

К вопросу о заселении Среднего Поосколья во второй половине XVII в.

Кушнарев Сергей Сергеевич

Кушнарёв Сергій. До питання про заселення Середнього Пооскілля в другій половині XVII ст. Стаття присвячена аналізу окремих аспектів заселення Середнього Пооскілля в другій половині XVII ст. Завдяки залученню архівних матеріалів автор доповнює подієву складову історії однієї з ділянок південного порубіжжя Росії, аналізує перебіг, характер та особливості колонізаційних процесів окресленого періоду. В роботі зроблено висновок про перевагу в досліджуваному регіоні внутрішньоповітових колонізаційних сил.

Ключові слова: колонізація, південне порубіжжя, помістя.

Кушнарев Сергей. К вопросу о заселении Среднего Поосколья во второй половине XVII в. Статья посвящена анализу отдельных аспектов заселения Среднего Поосколья во второй половине XVII в. Благодаря привлечению архивных материалов автор дополняет событийную составляющую истории одного из участков южного порубежья России, анализирует ход, характер и особенности колонизационных процессов обозначенного периода. В работе сделан вывод о преобладании в рассматриваемом регионе внутриуездных колонизационных сил.

Ключевые слова: колонизация, южное порубежье, поместье.

Kushnarev Sergey. Revisiting the Settlement of Sriednieie Pooskollie in the late XVIIth century. The article deals with the analysis of special aspects of the settlement of Sriednieie Pooskollie in the late XVII th century. Due to archive materials, the author supplements the historic events of one of the territories of the Russian South border, analyzes the passage, the character and specifics of the colonization processes during this period. There is a conclusion about the predominance of the inner-district colonization forces in the region of Sriednieie Pooskollie.

Key words: colonization, southern borders, manor.

О тличительной особенностью истории южных регионов России в XVII – начале XVIII в. является процесс их заселения и хозяйственного освоения. Степень разработки проблемы заселения южного порубежья Российского государства неравномерна как в территориальном, так и в хронологическом плане. Проблемы колонизационных и историко-демографических процессов на юге России в определенной степени изучены начиная с XVIII в., т.е. с момента

© Кушнарев С. С., 2014

проведения первых генеральных ревизий. Наиболее исследованными являются уезды, находившиеся в свое время под защитой Белгородской черты. История освоения тех территорий, которые находились южнее черты, в историографии должного освещения не получила. Причиной тому является как сам характер освоения этого региона, многоплановость процессов, протекавших в рассматриваемый период, так и избирательность в изучении отдельных проблем. Так, заселение Среднего Поосколья рассматривается в связи со строительством отдельных участков Новой (Изюмской) черты [9]. Территория Среднего Поосколья, имеющая в силу своего географического положения специфические черты процесса заселения, в украинской историографии не становилась объектом специального изучения. Процессы заселения края в годы, последовавшие за строительством оборонительных сооружений и предшествовавшие генеральным ревизиям, в своем большинстве остаются слабо изученными. В частности, не нашли отражения в историографии сюжеты, связанные с внутренней колонизацией рассматриваемой территории в конце XVII в.

Целью данной работы является изучение особенностей колонизации территории Среднего Поосколья и определения роли и места в этом процессе различных категорий местных служилых людей.

Изучение значительного количества архивных документов позволяет уточнить в хронологическом и территориальном планах, а в фактическом плане существенно дополнить историю освоения рассматриваемого региона в конце XVII в. Основными источниками для написания настоящей работы послужили материалы столбцов Белгородского стола, хранящихся в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов [22], а также различные документы Валуйской и Полатовской приказных изб, хранящихся в Государственном архиве Воронежской области [3]. Наиболее информативные источники – законодательные акты середины и второй половины XVII в., межевые книги, выписки из отказных книг, челобитные служилых людей и сыскные документы на поиск «дикого поля» в уезде. Они содержат основную информацию о характере землепользования и землевладения на рассматриваемой территории, особенностях и направлении внутриуездных колонизационных потоков и т.д. В целом источниковая база по данной проблеме является достаточно полной, что дает возможность рассмотреть отдельные вопросы по истории заселения территории Среднего Поосколья в обозначенный период.

Особое место в заселении рассматриваемого региона занимают Валуйки – одна из городов-крепостей на южных рубежах Российского государства в XVII в. Валуйки длительное время являлись единственным поселением на территории, применение термина «уезд» к которой возможно только с определенными оговорками. Необходимо отметить,

что уезд XVII в. как основная административно-территориальная единица имел свои особенности. Одна из них заключается в том, что на правах уезда существовал «город», который был центром «округи» и объединял пригородные слободы, населенные местности, пустоши, пчельники и т.п. [2, с. 139]. Подобное устройство «города-уезда» рисует Валуйская книга письма, меры и раздела Мирона Хлопова и Леонтия Недовескова 1626 г. Однако, принимая во внимание содержание наказа валуйским писцам 1625/26 г., можно прийти к выводу, что данный документ фактически является окладной книгой подгородных слобод служилых людей. Это позволило М. Ю. Зенченко сделать вывод о том, что уезд, в виде административного округа, вокруг Валук не сложился вплоть до начала XVIII в. [10, с. 28]. Это в значительной степени повлияло на заселение и хозяйственное освоение региона на протяжении всего XVII в.

Заселение города в начале XVII в. происходило путем перевода отдельных групп русских служилых людей из центральных регионов государства. Примерную географию происхождения валуйчан дают оттопонимные фамилии: Лихвинцов, Шацкий, Резанцов, Масалитинов, Москвитинов, Дедилов, Ржевской и др. Население города-крепости по социальному составу на протяжении всего XVII в. было практически неизменным и состояло преимущественно из русских служилых людей «по прибору». Росписная книга 1681/82 г. дает представление о численном составе служилого населения города: 44 рейтара и 86 солдат полковой службы, 86 пеших и 49 конных стрельцов, 174 полковых казака, 68 пушкарей, 144 станичника и 53 черкашенина [12, с. 938]. Все служилые люди имели свои земельные наделы, отмерянные им в 1626 г. писцами, а также отказанные в дачи позднее. Условия получения земельного надела были одинаковыми для всех служилых людей – обязательная военная служба. Если приборный не служил или не платил подати, то надел отбирался [1, с. 143]. Земельные участки каждая служилая группа получала отдельно на своем поле, которое отмечалось межевыми знаками. Казакам, стрельцам, затынщикам и пушкарям изначально отмерялись наделы на пригородных полях вокруг слобод. Станичники, которые в Валуйках занимали место городских детей боярских – низшей категории «служилых по отчеству», земельные наделы получили за пригородными слободами, т.е. фактически на уездных землях. Отказ дополнительных наделов станищикам и приборным служилым людям имел различные формы. Во второй половине XVII в. валуйчанами для получения уездной земли, находившейся к тому времени в их пользовании, активно применялось испомещение «по заимке». Наличие значительного количества свободной земли позволяли служилым людям занимать участки, которые являлись более удобными для ведения хозяйства и граничили с их угодьями. Служилый человек оседал на

«порозжей» земле и владел починком «не справя за собою» [17, л. 488]. Распространение данной практики объясняется тем, что поместный оклад был номинальным числом, определяющий то количество земли, которое служилый человек мог получить за службу. На практике размеры дач значительно уступали величине окладов.

Один из примеров внутренней колонизации уездных земель «по заимке» силами валуйских служилых людей связан с фамилией Посоховых, которые начиная с середины XVII в. служили станичными атаманами и ездоками. Самая ранняя сохранившаяся челобитная на сыск дикого поля относится к 1693 г. Из нее следует, что в 1683 г. Кузьма, Савелий, Ларион и Герасим Посоховы получили на уездных землях «выше города за рекой Осолом с крымской стороны от Черного лесу на Колтаков Рог...» по 37 четей¹ с осьминою в поле на человека [13, с. 1705]. В 1684 г. Посоховы по челобитной снова получили в поместье «к старым их дачам... в уезде за лесом за рекой Осолом по Мокрой Казинке с потеклями и с лушками... и по Бирючий лог...» 150 десятин дикого поля и сенокосу на 1500 копен² [13, с. 1705-1706]. В 1694 г. упоминаемые служилые люди получают поместья в придачу к имеющимся дачам в размере по 12 четей с осьминою в поле, а их родственники, по всей видимости верстанные в новики, Тимофей, Иван и Василий Посоховы получают по 50 четей в поле на человека [13, с. 1705-1706]. На одном поле с ними получил надел и солдат Московского полка Иван Короченец, прихоронившийся, по всей вероятности, зятем Кузьме Ивановичу Посохову. Таким образом, наличие заимочной земли у старшего поколения этого служилого рода позволило им не только увеличить собственные земельные наделы, но и обеспечить поместьями младшее поколение и ближайших родственников, по всей видимости, поступивших в это время на службу. Подобная практика земельных отказов еще в начале 70-х гг. XVII в. была закреплена законодательно: дети получали дачи «в межах и грянях» своих отцов и дедов [15, лл. 2, 5].

Интересно, что по раздаче 1626 г. эти угодья служилым людям отказаны не были и в писцовой книге они не зафиксированы. Невдалеке от описываемых урочищ были отказаны участки только конным стрельцам и пушкарям: «Сено косить около своей пашни, за надолобы, за Праворотьем, вверх по Козине речке... и по Сухой Казинке влево от Белгородския дороги» [11, с. 173]. Вполне возможно, что упоминаемые угодья Посоховыми были получены по отказным книгам письма и меры

¹Четверть (четь) – мера площади пахотных земель. Определялась как 0,5 десятины. Использовалась в качестве единицы поместного оклада служилых людей.

²С одной четверти луга снималось 5 копен сена. Усердские станичники в середине XVII в. получали по 90 копен на человека. Сенные угодья рядового полкового казака в рассматриваемое время равнялись 40 копнам, стрельца – 16, пушкаря – 12.

стольника Е. Баскакова в 1673 г. Однако документального подтверждения данному предположению найти не удалось.

В 1701 г. дети и племянники упоминаемых выше Посоховых подали в Разряд челобитную на отказ им лишней пахотной земли и сенокосов сверх дач их родителей [12, с. 911]. Лишняя пахотная земля появилась, по всей видимости, в результате новой заимки старшего поколения Посоховых. В результате на группу из 8 служилых людей было отказано угодий по 14 четей в поле и по 50 копен сенокоса на человека. В этом случае мы также видим пример придачи к поместной даче с испомещением новоприбранных станичников за счет заимочных земель их старших родственников. Осуществление придачи не на полный контингент служилой группы, а на указанную группу из 8 человек в данном случае отличает станичников от остальных приборных чинов. Последние получали землю «в оклады сполна» и практика индивидуальных придач для них была невозможной [1, с. 144].

Пример отказа уездных земель Посоховым является иллюстрацией процессов, которые происходили в структуре землевладения южнорусского города в конце XVII в. Количество служилых людей в семье увеличилось, а размеры земельных дач оставались на прежнем уровне. Происходило дробление жеребьев при наследовании, что являлось угрозой принципу соответствия размера наделов объему службы. Примечательно, что межевание земель Посоховым, как и другим станичникам, проводилось по грамоте из Поместного приказа. Последний, в отличие от Разрядного приказа, занимавшегося раздачей земли приборным чинам, регулировал дворянское землевладение [1, с. 107]. Это еще раз подтверждает особое положение станичников в социальном составе южнорусского города, где все служилые люди были включены в строгую иерархию. Те служилые люди, которые занимали более высокое положение, не только получали поместные оклады больших размеров и в лучшей степени обеспечивались земельными дачами, но и могли быть пожалованными индивидуальными поместьями на уездных землях, что видно на данном примере. Подобное испомещение служилых людей является иллюстрацией одного из этапов формирования однодворческой общины и, как следствие, нового витка заселения формирующегося уезда. Получая общие земельные наделы, они не только защищали их сообща от внешних врагов, но и обрабатывали собственными силами. Необходимость работать на землях, отдаленных от города, являлась стимулом к основанию новых населенных пунктов, которые в первоначальном виде представляли собой пчельники, починки или небольшие стоялые острожки. На землях, отказанных в поместье Посоховым в конце XVII в., по материалам переписи 1722 г. мы уже видим село Посохово [18, л. 490] (совр. Валуйский р-н).

Еще один из примеров заселения Среднего Поосколья «по заимке» связан с отмежеванием земельных участков полковому казаку

Л. Косякину «с товарищи». В октябре 1697 г. валуйский воевода Сергей Жданов по царскому указу отказал челобитчикам наделы по обоим берегам реки Оскол и вниз по речке Уразовой к Долгому липягу и Двудлучной луке. Оказалось, что казаки распахали дикого поля 100 четей в поле и «раскосили» сенокосы на 1000 копен. В результате каждый челобитчик получил в отказ по 20 четей в поле «а дву по тому ж»³ [12, с. 928-933]. Получение придачи приборным человеком на уездных землях В. М. Важинский объясняет его состоятельностью и возможностью получить земельный надел при помощи взятки [1, с. 118]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по соседству с отказными землями полковых казаков находятся наделы станичников Василия Борисова, Ивана Лемзякова и сына боярского Якова Сафонова. В данном случае мы видим, что полковые казаки получили угоды «по службе», т.е. землю отказали на группу приборных служилых людей, в то время как станичники и сын боярский владели поместьями, отмежеванными им по окладу или являвшимися индивидуальными придачами к основным наделам. Подобный пример придач станичникам мы видели в случае с поместьями Посоховых. Это еще раз указывает на различие в сфере землевладения различных групп служилых людей внутри одного уезда, которые к концу XVII в. постепенно стираются в силу различных причин социально-экономического характера.

В 1684 г. группа служилых людей, среди которых мы видим станичников, пеших стрельцов, пушкарей и затинщиков, била челом на отказ им за Осолом распашной земли в диком поле, которую они в «давние годы распахали для убежищ и оберегательства от приходу воинских людей...» [12, с. 915-916]. В результате отказных мероприятий им было отведено 58 десятин «со всеми угодыми, и под дворы, и под усадьбы, и на выгон и под селище» по соседству с поместьями Посоховых в вершине речки Мокрой Козинки от Котлубацкого колодезя до Черного леса [12, с. 916]. Помимо того, что документы об отводе дикого поля под основание села на уездных землях для Среднего Поосколья само по себе явление довольно нечастое, обращает на себя внимание формулировка – «58 десятин ... под селище», т.е. земля не была положена в служилую четверть. Здесь мы видим отказ участка не в поместье или придачу к окладу, а отвод дикого поля для группы из различных категорий служилых людей именно под строительство нового населенного пункта. В 1720 г. на этом месте мы видим деревню Гладкую, названную по фамилии челобитчиков – Дмитрия и Бориса Глатких.

Среднее Поосколье в конце XVII в. совершенно не было затронуто землевладением думных чинов и московской служилой знати. Здесь

³ Дача рядового полкового казака на середину XVII в. составляла 12 – 18 четей в поле.

мы четко видим результаты государственной политики «заказных городов». По меткому определению О. В. Скобелкина, «уезды южного фронта оставались своеобразным «заповедником» мелкого служилого землевладения» [20, с. 62]. Размеры поместий в регионе были небольшими, а количество крупных поместий детей боярских было вовсе незначительным⁴. Однако в рассматриваемое время заселению отдельных участков уезда и сосредоточению в одних руках значительных земельных наделов способствовало, на наш взгляд, расширение права на отчуждение поместий. Соборное Уложение 1649 г. разрешало поступку поместий только по именному царскому указу и исключительно от отставных дворян⁵ [21, с. 180-181]. В дальнейшем, несмотря на ряд законов 1660-70-х гг., старавшихся ограничить поступку поместных земель, в январе 1678 г. было разрешено поместье несостоятельного должника передавать кредитуру в иск. В. М. Важинский пришел к выводу, что в южных уездах отчуждение поместий служилых людей в пользу крупных землевладельцев выступало не правом, а вынужденной мерой [5, с. 130-131]. Сохранившаяся в фонде Валуйской приказной избы поступная запись⁶ валуйских казаков части поместной земли сыну боярскому Филипу Рябинину является ярким тому примером. Полковые казаки за 30 рублей⁷ поступались «в Валуйском уезде... по сю сторону Первого Сазона выше ево Филипова двора ... на Солотех меж тернов и черного лесу поляну на сенные покосы со всеми угодьями» [4, л. 1]. Владеть поступными угодьями Рябинин «и жена ево и дети» могли до отдачи заемных денег казаками. Сын Филипа Рябинина – Яков, по данным 1787 г., владел селом Нижние Солоты в пределах описываемых выше угодий [13, с. 185].

Одна из особенностей заселения Среднего Поосколья в конце XVII в. связана с испомещением на рассматриваемой территории детей боярских из соседнего Полатовского уезда. Наличие значительного количества свободной земли в северной части Валуйской округи вдоль рек Валуй, Полатовка, Мосей, Сенная, в окрестностях Большого Валуйского и Полатовского леса позволяло валуйским служилым людям обрабатывать наиболее удобные участки «сверх дач наездом» и без

⁴По разбору 1697 г. в Валуйском уезде поместий размером от 91 до 100 четвертей было всего 3, от 91 до 100 четвертей – 1, от 81 до 90 четвертей – 1, от 61 до 70 четвертей – 1. В соседнем Полатовском уезде: от 301 до 400 четвертей – 1, от 91 до 100 четвертей – 1, от 71 до 80 и от 51 до 60 четвертей – по 2. В Усердском уезде поместий более 60 четвертей не было вовсе.

⁵ По Соборному Уложению 1649 г. поступка поместьем разрешалась только при условии содержания новыми владельцами вдов, сирот и стариков, оставшихся после прежних владельцев.

⁶Начало документа утрачено. В описи дело датировано началом XVIII в.

⁷На юге России земля оценивалась в среднем в 3 – 3,4 рубля за десятину с угодьями.

оформления необходимых «крепостей». Отсутствие фиксированных административных границ уезда также способствовало практически беспрепятственному проникновению заимочного землевладения на значительное расстояние от города. С постройкой в 1671 г. на речке Сенной города Полатова [16, л. 157] происходит оттеснение валуйских служилых людей с их заимочных угодий. В январе 1681 г. полатовские дети боярские Осип Капустин «с товарищи 36 человек» били челом на отказ им в поместье угодий «...по левую сторону от Сенной Яруги, через Третий Созон к Хмелевому Колодезю... вниз по валуйские ездочные дачи» [5, л. 1]. Помимо пашни и сенокосов полатовцы просили разрешения «строитца дворами» на речке Нагольной Россоши [5, л. 1]. В сентябре 1685 г. полатовской приказной избы подьячий Федор Фролов отказал детям боярским в поместья, помимо запрашиваемых угодий, Сторожевую поляну в Большом Валуйском лесу [7, лл. 3, 3об., 4, 4 об.]. Отказ Сторожевой поляны, по всей видимости, был связан с невозможностью отказа «селитебных» мест по Нагольной Россоши ввиду того, что угодьями по этой речке были пожалованы черкасам воеводой М. Дмитриевым по грамоте из Стрелецкого приказа в 1651 г. [12, с. 884-885] В начале 1690-х гг. на упоминаемой поляне мы видим деревню Сторожевую, заселенную полатовскими детьми боярскими [6, лл. 1-10].

В ноябре 1693 г. полатовец сын боярский Максим Самарянин «с товарищи 40 человек» получил на речке Полатовке⁸, при впадении в нее Живой Воды, Копанной и Нагольной Россошей, пашни и сенных покосов 300 четъ в поле и места под постройку дворов [8, лл. 2-2об.]. Из документа следует, что поместья им отводились по меже с дачами полатовцев Андрея Дедова и Ивана Девкина, испомещенных в этих местах ранее. Не совсем понятно в данном случае положение валуйских черкас, владевших угодьями по Полатовке и Россошам на основе упоминаемого выше пожалованья 1651 г. Месяцем ранее, в октябре 1693 г., валуйчанам Игнату Безготкову и Акиму Чепухину с товарищами было отказано поместья в тех же местах по речке Полатовке⁹ [10, лл. 358-366]. Каким образом происходил передел поместий между детьми боярскими Полатовского уезда и валуйскими служилыми людьми выяснить не удалось. Получение в 1694 г. Игнатом Безготковым и Акимом Чепухиным усадьбных мест на отканных годом ранее поместьях [10, лл. 358-366] позволяет предположить, что вероятный спор был разрешен мирно. Обращает на себя внимание тот факт, что граница между поместьями

⁸«А межа тем поместным землям... на речке Полатовке за Полатовским Большим лесом от Караульного логу вверх по Полатовой. Вниз по Живым Водам по обе стороны да полатовские лески ... ниже Мельникова логу подле Большого полатовского лесу...». [8, лл. 3-3об.]

⁹«Вверх по речке Полатовой по левую сторону до Мельникова логу, и возле Черной Полатовской лес, и вверх по Волую по Ельмин лог...». [10, лл. 358-366].

полатовцев и валуйчан прошла примерно по речке Нагольной Россоши. По всей видимости, здесь мы наблюдаем пример маркировки границы между соседними уездами, т.к. о каких-либо точных административных границах рассматриваемых уездов в конце XVII в. говорить не приходится.

Таким образом, заселение территории Среднего Поосколья во второй половине XVII в. имело ряд особенностей, не характерных в большинстве случаев для других регионов. Одной из таких особенностей является преобладание внутриездных колонизационных сил. В то время, когда уездные земли более южных городов (Чугуев, Салтов и др.) заселялись более активно за счет русских переселенческих потоков с центральных уездов и черкасс-переселенцев с Левобережной и Правобережной Украины, Среднее Поосколье осваивалось в основном за счет расширения различными методами землевладения местных служилых людей. Этот процесс проходил медленно ввиду отсутствия в городе, вплоть до конца XVII в., детей боярских, которые могли получать индивидуальные поместья на уездных землях (в различных его частях) и, тем самым, основывать новые населенные пункты. Станичники, занимавшие в определенной мере место детей боярских в социальной структуре южнорусского города, осваивать уездные земли, расположенные на значительном расстоянии от городских укреплений, начали достаточно поздно из-за постоянной опасности татарских набегов. И только постепенное стирание различий между землевладением приборных чинов и детей боярских, формирование однодворческой общины и укрепление позиций Российского государства в отношении с Крымским ханством и Турцией поставило освоение Среднего Поосколья на новый качественный уровень.

Литература

1. *Важинский, В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (По материалам южных уездов России) / В. М. Важинский, – Воронеж, 1974.
2. *Водарский, Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX вв. Размеры и размещение / Я. Е. Водарский. – М., 1988.
3. *Государственный архив Воронежской области: Путеводитель.* – Воронеж, 2010.
4. *Государственный архив Воронежской области (ГАВО).* – Ф.И. – 8. Валуйская приказная изба. – Оп. 1. – Д. 102.
5. *ГАВО.* – Ф.И. – 9. Полатовская приказная изба. – Оп. 2. – Д. 1.
6. *ГАВО.* – Ф.И. – 9. Полатовская приказная изба. – Оп. 2. – Д. 17.
7. *ГАВО.* – Ф.И. – 9. Полатовская приказная изба. – Оп. 3. – Д. 3.
8. *ГАВО.* – Ф.И. – 9. Полатовская приказная изба. – Оп. 4. – Д. 3.

9. *Загоровский, В. П.* Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.
10. *Зенченко, М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко. – М., 2004.
11. *Материалы для истории Воронежской и соседних губерний.* Воронежские писцовые книги: в 2 т. – Т. 2. – Воронеж, 1891.
12. *Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом.* – Воронеж, 1886. – Вып. 10. Валуйские документы.
13. *Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом.* – Вып. 15. Акты 17-18 ст. – Воронеж, 1889.
14. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).* – Ф. 1209. Поместный приказ. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 50.
15. *РГАДА.* – Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. – Д. 1293.
16. *РГАДА.* – Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. – Д. 1095.
17. *РГАДА.* – Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Поместного приказа. – Д. 192.
18. *РГАДА.* – Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. – Оп. 2. – Ч. 1. – Д. 245.
19. *РГАДА.* – Ф. 1209. Поместный приказ. – Оп. 163. – Д. 12292.
20. *Скобелкин, О. В.* Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века / О. В. Скобелкин // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1.
21. *Соборное уложение 1649 года /* Под ред. М. Н. Тихомирова, П. П. Епифанова. – М., 1961.
22. *Центральный государственный архив древних актов СССР.* Путеводитель. В 4 т. – Т. 1. – М., 1991.